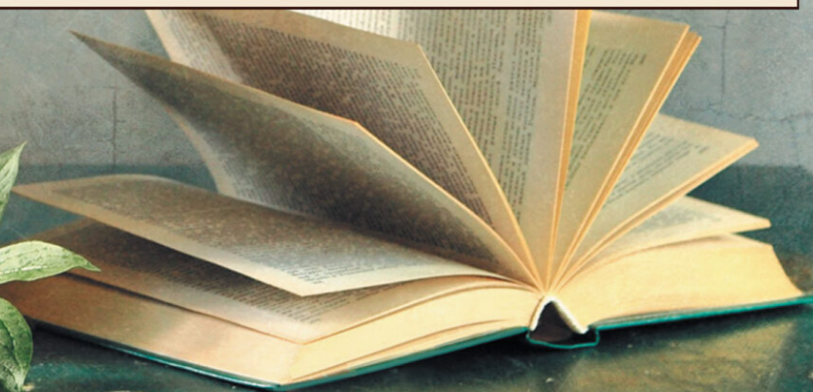

КОЛИН МАККАЛОУ

Леди
из Миссолонги

Колин Маккалоу: Золотая коллекция

Колин Маккалоу
Леди из Миссолонги

«Издательство АСТ»

1987

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Леди из Миссолонги / К. Маккалоу — «Издательство АСТ»,
1987 — (Колин Маккалоу: Золотая коллекция)

ISBN 978-5-17-092335-9

Мисси Райт, чужая и своей строгой семье, и тем более мещанам и сплетникам из провинциального австралийского городка Байрон, с детства жила книгами и мечтами — мечтами, которые, как она была уверена, не воплотятся никогда. Но однажды в городок прибывает загадочный незнакомец, покупает соседнюю долину и собирается строить в ней дом, чтобы, по его собственным словам, «слушать тишину». Незнакомец, который однажды приходит Мисси на помощь, — словно рыцарь в сияющих доспехах из прочитанных ею романов...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-092335-9

© Маккалоу К., 1987

© Издательство АСТ, 1987

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Колин Маккалоу

Леди из Миссолонги

– Скажи, Октавия, почему нам так не везет? – обратилась к сестре миссис Друзилла Райт и со вздохом добавила: – Похоже, счастливые времена никогда не наступят. Нам нужна новая крыша.

Мисс Октавия Херлингфорд уронила руки на колени, сокрушенно покачала головой и вздохнула:

– О господи! Ты уверена?

– Так сказал Денис.

Поскольку их племянник Денис Херлингфорд, владелец местной скобяной лавки, занимался также слесарными и водопроводными работами, и дело его процветало, в подобных вопросах он считался непререкаемым авторитетом.

– Во что нам обойдется новая крыша? Нужно менять всю кровлю целиком? Нельзя ли просто заменить те листы, что прохудились?

– Денис говорит, там не осталось ни одного листа железа, который можно было бы сохранить, так что, боюсь, на ремонт уйдет около пятидесяти фунтов.

Наступило угрюмое молчание. Сидя рядом на диване, набитом конским волосом, лучшие дни которого остались в таком далеком прошлом, что никто их уже не помнил, сестры ломали головы, как быть, где найти средства на ремонт. Миссис Друзилла Райт вышивала мережкой полотняную салфетку; и крошечные, безупречно ровные стежки складывались по краю в ажурный узор. Мисс Октавия Херлингфорд вязала крючком, и ее искусная работа не уступала в изяществе вышивке сестры.

– Мы можем взять те пятьдесят фунтов, что положил в банк отец, когда я родилась, – предложила третья женщина, по имени Мисси, которая чувствовала себя виноватой, оттого что не сумела скопить ни пенни из денег, которые удавалось выручить от продажи яиц и масла, и ей хотелось хоть как-то загладить вину.

Она тоже занималась рукоделием: сидя на низеньком табурете, плела кружево из клубка некрашеной пряжи. Игла в ее руке так и мелькала, ловкие пальцы привычно двигались сами собой, поскольку работу знали так хорошо, что внимания не требовалось.

– Спасибо, но нет, – отозвалась Друзилла.

Эти слова положили конец короткому разговору, который состоялся за два часа занятий рукоделием в пятницу днем, поскольку вскоре часы пробили четыре пополудни. Воздух еще дрожал от звона часов, когда все три дамы с автоматизмом, воспитанным давней привычкой, прервали работу. Рукоделие они сложили в три одинаковых серых фланелевых мешочка на шнурке, затем каждая убрала свой в облезлый буфет красного дерева, притулившийся в простенке между окнами. Заведенный раз и навсегда порядок никогда не нарушался. Ровно в четыре двухчасовые занятия рукоделием в малой гостиной неизменно заканчивались, и следующие два часа дамы посвящали работе другого рода. Друзилла садилась за фисгармонию, свое единственное сокровище и отраду, а Октавия и Мисси шли на кухню, чтобы приготовить ужин и закончить дела во дворе и в саду.

Когда они столпились в дверях, словно три курицы, что никак не могут решить, кого пропустить первой к кормушке с зерном, стало особенно заметно, что Друзилла и Октавия сестры. Обе очень высокие, с удлинненными, малокровно-бледными костистыми лицами, но если Друзилла была дамой крупной и сбитой, то Октавия из-за застарелой болезни костей сгорбилась, пригнулась к земле. Мисси тоже считалась довольно высокой – пять футов семь дюймов, – однако была на три дюйма ниже тети и заметно уступала матери, чей рост составлял целых шесть футов. Впрочем, этим сходство исчерпывалось, в остальном Мисси нисколько не

походила на Друзиллу и Октавию. Обе сестры были светловолосые, полные, пышногрудые, с крупными чертами лица, а Мисси – темноволосой, худой, как мальчишка, плоской, с мелкими чертами лица.

Просторная, скудно обставленная кухня примыкала к полутемному холлу, дощатые стены которого, выкрашенные унылой бурой краской, вносили свою лепту в общую мрачную атмосферу дома.

– Почисти картошку, прежде чем пойдешь собирать фасоль, Мисси, – велела Октавия, повязывая широкий коричневый фартук, чтобы уберечь свое коричневое платье от соприкосновения со стряпней.

Пока племянница чистила три картофелины к ужину, тетушка поворошила тлеющие угли в топке большой чугунной кухонной плиты, что ступенью выступала вперед и тянулась во всю ширину стенной ниши, занимаемой печью. Октавия подложила в топку дров, приоткрыла печную заслонку, чтобы усилить тягу, и, поставив кипятить чугун с водой, отправилась в кладовую за овсяной крупой для утренней каши.

– Вот досада! – раздался мгновение спустя ее голос, и появилась его обладательница с коричневым бумажным пакетом в руках, из нижних уголков которого тонкими ручейками сыпалась на пол овсянка, похожая на пышные снежные хлопья. – Ты только погляди! У нас завелись мыши!

– Не беспокойтесь, я поставлю вечером мышеловки, – равнодушно отозвалась Мисси, положила картофелины в кастрюльку с водой и добавила щепотку соли.

– От мышеловок завтрак на столе не появится, так что тебе придется спросить разрешения у матери сбежать в лавку дядюшки Максвелла и купить овсянки.

– А мы не можем хоть раз обойтись без нее? – Мисси терпеть не могла овсянку.

– Зимой? – Октавия изумленно воззрилась на племянницу, словно та сошла с ума. – Большая тарелка овсяной каши на завтрак – это сытно и недорого, девочка моя, весь день не захочешь есть. А теперь поторопись, ради всего святого!

В холле по другую сторону кухонной двери оглушительно стонала фисгармония. Друзилла играла чудовищно, но поскольку все вокруг ее хвалили, считала себя хорошей музыкантшей и неустанно, каждый будний день с четырех до шести, упражнялась. В этом, безусловно, было здоровое зерно, поскольку по воскресеньям она терзала слух обширной общины англиканской церкви Байрона, состоявшей сплошь из Херлингфордов, скверной игрой на органе. По счастью, среди прихожан не было наделенных музыкальным слухом, поэтому они свято верили, что церковные службы проходят превосходно.

Мисси бесшумно прокралась в парадную гостиную, предназначенную для торжественных случаев, где стояла фисгармония и где ее матушка с яростью рыцаря, что несется на противника, громыхая броней, с копьём наперевес, атаковала Баха: спина прямая, глаза закрыты, голова запрокинута, губы мелко подрагивают.

– Мама? – чуть слышно прошептала Мисси.

Ее слабый голос в потоке надсадных звуков фисгармонии походил на тончайшее волокно в соперничестве с буксирным канатом, однако и тихого шепота оказалось довольно. Друзилла открыла глаза и повернула голову, без гнева, скорее с усталой покорностью судьбе.

– Ну что?

– Простите, что прерываю вас, но нам нужно купить овсянки, пока дядюшка Максвелл не закрыл свою лавку. Мыши прогрызли пакет с крупой.

Друзилла вздохнула.

– Раз так, принеси мне кошелек.

Мисси сбегала за кошельком, и Друзилла, выудив из его тощей утробы шестипенсовик, буркнула:

– Только бери развесную, а не ту, что в коробке! Ни к чему переплачивать за упаковку.

– Но, мама, овсянка в коробке намного вкуснее, к тому же ее не нужно варить всю ночь. – В душе Мисси затеплилась слабая надежда. – По правде говоря, я с радостью обойдусь вовсе без каши, тогда разница в цене будет незаметна.

Друзилла всегда говорила себе и сестре, что живет в ожидании дня, когда ее боязливая дочь попробует взбунтоваться, но робкая попытка Мисси отстоять свою независимость встретила резкий отпор. Бедняжка лишь наткнулась на стену, которую, сама того не ведая, возвела ее властная мать.

– Обойдешься без овсянки? – потрясенно всплеснула руками Друзилла. – Ну нет, ни в коем случае! Зимой овсяная каша – основа всего, к тому же она гораздо дешевле угля для печи. – Затем тон ее смягчился, и она заговорила более дружелюбно, почти как с равной: – Как там сегодня на улице?

Мисси вышла в холл, взглянула на термометр и крикнула:

– Сорок два градуса!¹

– Тогда мы поужинаем на кухне и проведем вечер там! – прокричала в ответ Друзилла и со свежими силами задала трепку Баху.

Облачившись во все коричневое: габардиновое пальто и пушистый шарф, вязанный капор и шерстяные перчатки, Мисси вышла из дому и быстро зашагала к воротам по аккуратной дорожке, посыпанной битым кирпичом. В ее небольшой хозяйственной сумке лежала библиотечная книга. Возможность заглянуть тайком в библиотеку выдавалась нечасто, но Мисси знала: если поспешить, никто и не узнает, что, отправившись за овсянкой, она заходила не только в лавку дяди Максуэлла. В тот вечер ее тетья Ливилла сама обслуживала читателей, значит, вместо романа можно было получить лишь что-нибудь назидательное, но Мисси считала, что любая книга лучше, чем вовсе никакой. Зато в следующий понедельник на месте тети Ливиллы будет Юна, и тогда удастся взять роман.

В воздухе висел густой влажный туман, вернее – промозглая изморось, изгородь из бирючины вокруг дома под названием «Миссолонги» блестела от крупных дождевых капель. Едва ступив на Гордон-роуд, Мисси тотчас пустилась бежать, но на углу перешла на быстрый шаг, потому что в левом боку опять закололо, вдобавок пуще прежнего.

Когда боль немного отпустила, девушка продолжила путь, хоть уже и не так быстро, в приподнятом настроении, как бывало всегда в те редкие минуты, когда выпадала счастливая возможность улизнуть в одиночку за пределы Миссолонги. Как только боль исчезла совсем, Мисси опять ускорила шаг и принялась разглядывать знакомые улицы и дома, окутанные туманными предвечерними сумерками короткого зимнего дня.

В городке Байроне все названия были как-то связаны с жизнью поэта, включая дом ее матери, Миссолонги: так назывался город, где безвременно скончался известный поэт². Причудливые наименования городским улицам и постройкам было дано по прихоти прадеда Мисси, первого сэра Уильяма Херлингфорда, который основал городок сразу вслед за тем, как прочитал «Паломничество Чайльд Гарольда». Несказанно довольный, что нашел наконец великое литературное произведение, которое смог осилить, он принялся вколачивать в голову каждому, кого знал, невообразимую мешанину из всевозможных сведений о Байроне. Так, усадьба Миссолонги располагалась на Гордон-роуд, которая перетекала в Ноэл-стрит³, а та переходила в главную улицу, Байрон-стрит. В лучшей части города Джордж-стрит петляла несколько миль, после чего круто сбегала вниз, в широкую долину Джеймисон. Был здесь даже крохотный глу-

¹ По Фаренгейту, что соответствует 5,5°. – Здесь и далее примеч. пер.

² Старинное название греческого города Месолонгион, где в 1824 г. скончался английский поэт-романтик Джордж Ноэл Гордон Байрон (р. 1788). Устаревшее написание – Миссолонги.

³ Теща Байрона Джудит Ноэл, леди Милбенк, завещала поэту половину своего состояния при условии, что он будет носить ее фамилию. В 1822 г. королевским патентом лорду Байрону было даровано это право.

хой тупичок под названием Каролина-Лэм-плейс⁴, расположенный, разумеется, как и Миссолонги, на отшибе, в стороне от железнодорожной ветки. Там стояли три дома, где обитала горсточка крайне вульгарных распутных женщин, которых навещали путейцы из депо, находившегося на выезде из городка, а также рабочие большого завода минеральных вод, что уродовал вид южной окраины.

Наиболее загадочные и любопытные грани непостижимого характера первого сэра Уильяма ярко высвечивает тот факт, что на смертном одре он строго запретил своим здравствующим потомкам вмешиваться в естественный порядок природы и менять назначение скандально известного тупика, названного в честь леди Каролины, на котором издавна лежала мрачная тень, и не только из-за развесистых каштанов. В действительности сэр Уильям, как сам объяснял, скрупулезно придерживался «стройной системы имен и названий». Своим дочерям он дал латинские имена, распространенные в высших слоях общества. Его отпрыски поддерживали традицию, и так на свет появились Юлии, Аврелии, Антонии и Августы. Лишь одна из семейных ветвей попыталась усовершенствовать сложившийся обычай, и с рождением пятого сына мальчиков стали называть римскими числами, благодаря чему фамильное древо Херлингфордов украсилось именами Квинт, Секст, Септим, Октавий и Ноний. Деций умер вскоре после рождения, что никого не удивило.

Какая красота! Мисси остановилась полюбоваться огромной паутиной, унизанной, словно бисером, капельками тумана, чьи тончайшие дрожащие нити плавали над невидимой долиной в дальнем конце Гордон-роуд. В центре паутины сидела большая лоснящаяся паучиха, а к ней стыдливо жался очередной крошечный кавалер, но Мисси не почувствовала ни страха, ни отвращения – одну лишь зависть. Это отважное счастливое создание не только безраздельно царствовало в собственном мире, но и гордо несло древнее знамя суфражистки. Маленькая королева властвовала над супругом и вдобавок съедала его, когда тот исполнял свое предназначение – отдавал семя во имя потомства. Ах, счастливая, счастливая леди-паучиха! Разружьте ее мир, и она безмятежно примется восстанавливать его первоначальный облик, пока не соткет новую ажурную сеть, такую же изящную и воздушную, как прежняя, ибо недолговечность ее творения никогда не имела значения. А затем вновь потянется нескончаемая череда консо́ртов, словно переходящие праздники, что кочуют в календаре с одного дня на другой. Она выстроит их строго по рангу в своем королевстве: умеренно крупный самец, муж на текущий день, займет место рядом с ней, а его преемники будут все мельче и мельче, чем дальше они от матери в самом сердце паутины.

О боже, время! Мисси снова пустилась бежать, повернула на Байрон-стрит и устремилась к торговым лавкам и магазинам, теснившимся по обеим сторонам улицы и занимавшим целый квартал в центре городка. Дальше Байрон-стрит превращалась в роскошную эспланаду, которая вела к парку, железнодорожному вокзалу, отделанному мрамором отелю и внушительному зданию городской водолечебницы с фасадом в египетском стиле.

В торговом квартале находился продовольственный магазинчик Максвелла Херлингфорда; скобяная лавка Дениса Херлингфорда; шляпный салон Аврелии Маршалл, урожденной Херлингфорд; кузница и бензоколонка Томаса Херлингфорда; пекарня Уолтера Херлингфорда; магазин одежды Герберта Херлингфорда; новостное агенство и писчебумажная лавка Септима Херлингфорда; чайная «Плачущая ива», принадлежавшая Джулии Херлингфорд; библиотека Ливиллы Херлингфорд; мясная лавка Роджера Херлингфорда-Уидерспуна; кондитерская и табачная лавки Персиваля Херлингфорда, а также кафе «Олимп» и молочная Никоса Теодоропулоса.

⁴ Леди Каролина Лэм, урожд. Понсонби (1785–1828), британская аристократка и писательница, состоявшая в любовной связи с лордом Байроном в 1812 г.

Как того требовала особая роль Байрон-стрит, до пересечения с Ноэл-стрит и Каролина-Лэм-плейс мостовая была покрыта макадамом, вдобавок здесь стояло затейливо украшенное водопойное корыто из полированного гранита – дар городу от первого сэра Уильяма, а напротив крытых торговых рядов красовались аккуратные столбики коновязи. Окаймленная прекрасными старыми эвкалиптами, главная улица Байрона умудрялась выглядеть тихой и вместе с тем нарядной и богатой.

В центре Байрона было очень немного частных домов. Летом городок жил за счет приезжих, спасавшихся от влажной жары прибрежной равнины, к тому же круглый год сюда съезжались больные ревматизмом в надежде, что целебные ванны облегчат их страдания, ибо по прихоти природы из-под земли в Байроне били горячие минеральные источники. Этим обстоятельством и объяснялось наличие вдоль Байрон-стрит множества гостиниц и пансионатов, в большинстве своем принадлежавших, разумеется, Херлингфордам. Не слишком скупых гостей весьма радушно встречала байронская водолечебница, а огромный фешенебельный отель «Херлингфорд» предоставлял обитателям номеров ванны с целебной водой в безраздельное пользование. Тем же приезжим, чьих скудных средств едва хватало на ночлег да завтрак в недорогом пансионе, приходилось довольствоваться чистыми, хотя и спартански скромными городскими купальнями прямо за углом Ноэл-стрит.

Чудодейственная вода доставалась даже беднякам, у которых вовсе не было денег, чтобы приехать в городок. Второй сэр Уильям создал знаменитую «Байрон буттл» – «Бутылку Байрона» (под этим названием она приобрела широкую известность в Австралии и на островах южной части Тихого океана). Мастерски выполненная изящная бутылка вмещала пинту кристально-чистой воды из байронского минерального источника. Слегка шипучая влага обладала мягким, совершенно безопасным слабительным эффектом и отличалась приятным, ярко выраженным вкусом. «К черту воды Виши!» – говорили счастливицы, что могли позволить себе поездку во Францию. Старая добрая «Бутылка Байрона» была не только лучше, но и намного дешевле. Вдобавок, сдав пустую посудину, можно было вернуть потраченный пенс. Весьма разумное приобретение акций стекольного завода стало последним штрихом к картине: производство минеральной воды не требовало больших затрат и оказалось на редкость прибыльным, семейное предприятие процветало, принося баснословные деньги мужскому потомству второго сэра Уильяма. Теперь во главе промышленной империи «Байрон буттл компани» стоял третий сэр Уильям, внук первого и сын второго, такой же безжалостный и алчный, как оба его предка, чье имя он унаследовал.

Максуэлу Херлингфорду, прямому потомку первого сэра Уильяма и потому полноправному владельцу крупного состояния, не было надобности держать продуктовую лавку. Однако в нем взяла верх коммерческая жилка, деловая хватка, свойственная всем Херлингфордам. Вдобавок суровая кальвинистская мораль, что внушалась всему клану с младых ногтей, глаголющая: мужчина должен работать, чтобы считаться праведником в глазах Божиих, лишь тогда пребудет с ним благословение Господне. Строгая приверженность этому правилу должна была превратить Максuéлла Херлингфорда в святого, сошедшего на землю, однако в действительности он стал сущим дьяволом в ангельском обличье.

Стоило Мисси войти в лавку, гнусаво задребезжал колокольчик – точнее не описать надтреснутый звук, выбранный Максuéллом Херлингфордом в угоду своему стремлению к монашескому аскетизму и благоразумной осмотрительности. Тотчас же из задней двери появился хозяин – бряканье колокольчика заставило его подняться из подвала, где выселись горы холщовых мешков с отрубями, мякиной, сечкой, пшеницей, ячменем, кормовой мукой и овсом, поскольку Максuéлл Херлингфорд не только старался угодить гастрономическим вкусам жителей Байрона, но также снабжал кормом лошадей, коров, свиней, овец и домашнюю птицу. Как заметил один местный острослов, когда трава на его пастбище не уродилась, «от Максuéлла Херлингфорда никуда не денешься: хочешь не хочешь, окажешься в загоне».

На лице дядюшки Макссуэлла застыло обычное кислое выражение, в руке он держал большой совок с налипшими стебельками фуража, похожими на лохматую паутину.

– Ты только посмотри! – прорычал он и махнул совком в сторону Мисси, с поразительной точностью повторив жест своей сестры Октавии, которая не так давно размахивала прогрызенным мышами пакетом с овсянкой. – Повсюду долгоносики!

– О господи! И в развесной овсянке тоже?

– Так и кишат.

– Тогда лучше дайте мне коробку овсяных хлопьев, дядя Макссуэлл.

– Слава богу, лошади не такие привередливые, – проворчал лавочник и, отложив совок, полез под прилавок.

Колокольчик снова задребезжал, еще громче прежнего, дверь распахнулась, и в лавку вместе с сырыми клубами тумана стремительно вошел мужчина.

– Черт побери, ну и погода! Холодная, как мачехины титьки! – пробормотал он, зябко хлопая в ладоши.

– Сэр! Здесь дамы!

– Вот незадача! – отозвался посетитель, но принести извинения не потрудился, а, с усмешкой подойдя к прилавку, небрежно облокотился, окинул изумленную Мисси лукавым взглядом и добавил: – Дамы, приятель? Я вижу здесь только половину леди!

Ни Мисси, ни дядюшка Макссуэлл не поняли, что хотел сказать незнакомец: то ли возмущительно намекнул на не слишком высокий рост Мисси в городе великанов, то ли грубо оскорбил ее, допустив, что она вовсе не леди, – но к тому времени как дядя Макссуэлл справился с замешательством и к нему вернулись его знаменитые остроумие и язвительность, мужчина уже принялся оглашать длинный список покупок.

– Мне нужно шесть мешков отрубей и комбикорма, мешок муки, мешок сахару, коробка патронов двенадцатого калибра, большой кусок свиной грудинки, шесть жестянок пекарского порошка, десять фунтов топленого масла, десять фунтов изюма, дюжина банок светлой патоки, шесть банок сливового джема и десятифунтовая жестянка печенья «Арноттс».

– Уже без пяти пять, а ровно в пять часов я закрываю магазин, – чопорно произнес дядюшка Макссуэлл.

– Тогда вам придется поторопиться, верно? – без всякого выражения заметил незнакомец.

Коробка с овсяными хлопьями уже стояла на прилавке. Мисси выдавила шестипенсовик из пальца перчатки и протянула дяде в тщетной надежде, что Макссуэлл Херлингфорд даст хоть сколько-то сдачи. Ей не хватило храбрости спросить, неужели обычная овсянка в маленькой коробке, пусть даже нарядной, может стоить так дорого. В конце концов она просто взяла коробку и ушла, бросив украдкой взгляд на незнакомца.

Он приехал на коляске, запряженной двумя лошадьми, которые стояли теперь у коновязи напротив двери. Когда Мисси заходила в лавку, их там не было. Красивый экипаж. Кони с заметной примесью тяжеловозной породы выглядели холеными, гладкими, да и повозка казалась новой и нарядной, желтые спицы колес ярко выделялись на густо-коричневом фоне.

Без четырех минут пять. Если сказать дома, что в лавку дяди Макссуэлла она зашла не первой, а следом за незнакомцем, то можно оправдать свое позднее возвращение бестактностью чужака и длинным списком его покупок, тогда удалось бы ненадолго заглянуть в библиотеку.

В Байроне не было публичной библиотеки: в те времена такие встречались лишь в нескольких городах Австралии, – и пробел этот восполняла частная библиотека. Одиноким вдове Ливилле Херлингфорд крайне дорого обходилось содержание сына, стесненность в средствах вкупе с желанием всегда выглядеть респектабельно побудили ее превратить богатое домашнее собрание книг в платную библиотеку, которая мгновенно приобрела популярность и

стала приносить хороший доход. Успех убедил Ливиллу пренебречь пуританскими законами, что предписывали владельцам магазинов в будние дни закрывать свои заведения в пять часов пополудни, так как большинство посетителей предпочитали обменивать прочитанные книги на новые по вечерам.

Чтение стало для Мисси единственным утешением, единственной роскошью, которую она себе позволяла. Ей разрешалось оставлять себе деньги, вырученные от продажи излишков яиц и сливочного масла, и все эти жалкие гроши она тратила на книги из библиотеки своей тетки Ливиллы. Друзилла и Октавия крайне не одобряли столь безрассудные траты, но, согласившись несколько лет назад, что Мисси может распорядиться небольшой суммой сверх тех пятидесяти фунтов, которые выделил ей отец при рождении, из чувства справедливости не отважились отменить собственное решение только потому, что их воспитанница оказалась мотовкой.

Мать и тетка не запрещали Мисси читать при условии, что она будет выполнять свою часть домашних работ, причем прилежно, без спешки, не допуская даже малейшей небрежности, однако обе приходили в негодование, стоило ей лишь заикнуться о своем желании прогуляться среди зарослей буша. Бродить по дикому лесу означало подвергать свою – возможно, не слишком соблазнительную – особу опасности быть убитой или ограбленной, и такое не дозволялось ни при каких обстоятельствах. Впрочем, Друзилла строго наказала своей кухне Ливилле выдавать Мисси только пристойные книги: никаких романов, скандальных или пикантных жизнеописаний, никакой бульварной литературы, предназначенной для мужчин. Тетушка Ливилла твердо придерживалась этих правил, вполне разделяя образ мыслей Друзиллы в отношении книг, какие дозволяется читать незамужним девицам.

Весь последний месяц тем не менее Мисси скрывала греховную тайну: романами ее снабжали в изобилии. Тетя Ливилла нашла себе помощницу, которая заменяла ее в библиотеке три раза в неделю: по понедельникам, вторникам и субботам. Это позволяло владелице наслаждаться трехдневной передышкой от раздражающе надоедливых горожан, прочитавших все ее книги, и от привередливых читателей, чьим вкусам не отвечало содержимое ее книжных полок. Новая помощница, разумеется, принадлежала к обширному клану Херлингфордов, хотя и не байронских: ей повело расти среди соблазнов Сиднея.

Мисси Райт – неразговорчивую, печальную и замкнутую – мало кто замечал, но Юна (так звали новую помощницу), похоже, тотчас увидела в ней будущую близкую подругу. Как ни удивительно, едва Юна появилась в библиотеке, ей сразу же удалось разговорить застенчивую, молчаливую Мисси, узнать все о ее привычках, домашнем окружении, надеждах, горестях и мечтах. Вдобавок она придумала для Мисси надежный и безопасный способ заполучить запретный плод без ведома тети Ливиллы и щедро одаривала новую подругу всевозможными романами – от захватывающих приключенческих до душераздирающих любовных.

В тот вечер обслуживать читателей должна была тетя Ливилла, а значит, Мисси могла рассчитывать лишь на книгу, прошедшую строгий отбор, но когда открыла стеклянную дверь и вошла в уютное тепло библиотеки, то увидела за конторкой Юну, а вовсе не грозную тетушку. В дополнение к очаровательной живости, уму, пониманию и доброте, которыми так восхищалась Мисси, Юна была поразительно красива: с великолепной фигурой, высокая – истинная представительница рода Херлингфорд, – а изысканными нарядами напоминала кузину Алишию. Юна обладала безупречным вкусом и всегда одевалась по последнему слову моды, с каким-то особенным, неуловимым шиком. Светловолосая, с белой, словно арктические снега, кожей и голубыми, как небо в знойный день, глазами, она вовсе не выглядела облешей и бесцветной, как все женщины из их рода, не считая Алишии (ослепительной красавицы, которую Господь одарил черными ресницами и бровями) да темноволосой Мисси. Но более всего поражала в Юне даже не редкая красота, присущая ей одной, а загадочный свет, исходивший от нее, нежное сияние, что не окутывало, а шло изнутри, будто источник его скрывался под кожей. Ее

длинные, изящные, овальной формы ногти излучали жемчужный свет, как и светлые, почти белоснежные волосы, прихотливо уложенные модными локонами вокруг головы и собранные в сверкающий пучок на затылке. Призрачное свечение словно стирало грань между реальностью и фантазией, и оставалось лишь гадать, существует ли оно на самом деле. Завораживающее зрелище! Мисси, которая всю жизнь провела среди одних лишь Херлингфордов, не ожидала увидеть подобное чудо – человека, окруженного аурой, – и вдруг за один короткий месяц ей встретились сразу двое: сначала Юна с ее сиянием, а теперь и незнакомец из лавки дяди Максвелла, заряженный энергией, в голубом облаке трескучих искр.

– Как удачно! – воскликнула Юна при виде Мисси. – Дорогая, у меня есть для тебя роман, ты будешь в восторге! Это история молодой аристократки, стесненной в средствах. Она вынуждена устроиться гувернанткой в дом герцога, а потом влюбляется в него и попадает в беду, но герцог бросает ее, потому что всеми деньгами владеет его жена. Он сажает ее на корабль и отправляет в Индию, где их новорожденный ребенок умирает от холеры. Затем ее видит безумно красивый магараджа и тотчас влюбляется, потому что у нее золотисто-рыжие волосы и светло-зеленые глаза, а все его бесчисленные жены и наложницы, разумеется, смуглые и темноволосые. Магараджа похищает ее, чтобы превратить в свою игрушку, теперь пленница целиком в его власти, но он вдруг понимает, что слишком ее уважает. Тогда он женится на ней и отправляет прочь всех других женщин. Ведь она редкий бриллиант, равных которому нет во всем мире, говорит магараджа. Она становится магарани, притом очень могущественной. Вслед за этим в Индию приезжает герцог с гусарским полком, чтобы подавить восстание мятежников в горах. Мятежники разбиты, но герцог смертельно ранен в битве. Его приносят в ее дворец из белого мрамора, там раненый умирает у нее на руках, но прежде она прощает его за жестокость и зло, что он ей причинил. А магараджа наконец понимает, что она любит его сильнее, чем когда-то любила герцога. Разве не чудесная книга? Тебе наверняка понравится, поверь мне!

У Мисси не пропадало желание прочесть книгу, даже если ей добросовестно пересказывали сюжет от начала до конца. Она сейчас же взяла «Греховную любовь» и спрятала на самое дно своей сумки, затем искала маленький кошелек, где хранились ее скудные сбережения, но не нашла ничего, кроме коробки с овсяными хлопьями.

– Боюсь, я забыла кошелек дома, – призналась она Юне с горечью, знакомой лишь тем, кто очень беден и горд. – О господи! Я была уверена, что взяла его! Что ж, тогда лучше оставь книгу у себя до понедельника.

– Боже, дорогая, подумаешь, забыла деньги! Это еще не конец света. Возьми книгу сейчас, а не то ее кто-нибудь заграбастает и придется долгие месяцы ждать своей очереди. Она так хороша, что каждому захочется ее прочитать. А деньги отдашь, когда придешь в следующий раз.

– Спасибо, – поблагодарила Мисси, хотя и понимала, что не следует вступать на скользкий путь и нарушать заповеди Миссолонги.

Перед страстью к чтению она оказалась бессильна, поэтому со смущенной улыбкой поспешно попятилась к двери.

– Не уходи так скоро, дорогая, – взмолилась Юна. – Давай немного поболтаем, ну пожалуйста!

– Прости, но я правда не могу.

– Ну подожди, всего одну минутку! До семи часов здесь будет тихо, как в могиле, все сидят дома, ужинают или пьют чай.

– В самом деле, Юна, я не могу, – огорченно сказала Мисси.

Девушка упрямо надула губы.

– Очень даже можешь, просто не хочешь.

Мисси вовремя поняла, что пренебрегать вниманием тех, у кого ты в долгу, очень неприлично, и сдалась.

– Хорошо, я задержусь, но всего на минутку.

– Вот что мне хотелось бы знать: ты уже видела Джона Смита? – с живостью спросила Юна, и пальцы ее при этом с мерцающими ногтями порхали над низким узлом сверкающих волос, бледно-голубые глаза сияли.

– Джона Смита? А кто это?

– Тот, кто на прошлой неделе купил твою долину.

В действительности никакой долины Мисси, разумеется, не было: просто она пролегла по другую сторону Гордон-роуд, – но девушка всегда думала о ней как о своей и не раз говорила Юне, как ей хотелось бы прогуляться там. Лицо ее уныло вытянулось.

– Ах как жалко!

– Вовсе нет! По-моему, это прекрасная новость. Давно пора бы кому-нибудь потеснить Херлингфордов.

– Ну, я ничего не слышала об этом Джоне Смите и уверена, что никогда его не видела.

Мисси хотела было уйти, но Юна остановила ее:

– Откуда тебе знать, что ты никогда его не встречала, если ты даже не хочешь узнать, как он выглядит?

Перед глазами Мисси вдруг возникло лицо незнакомца из лавки дяди Максвелла, она зажмурилась и выпалила с несвойственной ей уверенностью в голосе:

– Он очень высокий, крепкого сложения, с золотисто-каштановыми кудрявыми волосами и рыжеватой бородкой, в которой блестят две седые пряди. Одевается грубо и бранится точно солдат. Лицо у него приятное, в особенности глаза.

– Это он, это он! – взвизгнула Юна. – Так ты его видела! Где? Расскажи!

– В лавке дяди Максвелла несколько минут назад: накупил кучу всего, аж мешками.

– Правда? Значит, он, как видно, переезжает к себе в долину. – Юна озорно улыбнулась. – Похоже, он тебе понравился. Признавайся, Мисси, маленькая хитрюга.

– Да, – не стала скрывать та, заливаясь краской.

– Мне тоже, когда я увидела его впервые, – рассеянно протянула Юна.

– Когда это было?

– Давным-давно, много лет назад, дорогая. Еще в Сиднее.

– Так ты с ним знакома?

– И довольно близко, – вздохнула Юна.

Лавина романов, обрушившаяся на Мисси за последний месяц, расширила пределы ее познаний и немало способствовала воспитанию чувств. Она ощущала себя достаточно искусенной, чтобы спросить:

– Ты любила его?

Но Юна рассмеялась в ответ.

– Нет, дорогая. В одном ты можешь быть уверена: я никогда его не любила.

– Значит, он приехал из Сиднея? – спросила Мисси, почему-то почувствовав облегчение.

– Вот этого не знаю.

– Он был твоим другом?

– Нет, приятелем моего мужа.

Вот так новость! Мисси растерянно пробормотала:

– О, прости! Я не знала, что ты вдова.

Юна весело фыркнула:

– Дорогая, я вовсе не вдова! Слава богу, мне не пришлось носить траур! Уоллес, мой муж, жив и здоров, а вот брак наш приказал долго жить. Пожалуй, правильнее сказать, что муж от меня ушел и подал на развод.

За всю свою жизнь Мисси ни разу не доводилось встречать разведенных супругов: Херлингфорды не расторгли браков, где бы те ни совершались – на небесах, в преисподней или в чистилище.

– Наверное, тебе было нелегко, – стараясь не показаться чопорной, тихо проговорила девушка.

– Ах, милая, одна я знаю, как тяжело мне пришлось. – Веселая беззаботность Юны вдруг исчезла, сияние погасло. – Сказать по правде, это был брак по расчету. Мужа (вернее, его отца) привлекло мое положение в обществе, а меня прельстило его богатство.

– Так ты его не любила?

– Моя большая беда, которая повлекла за собой множество потерь, дорогая, в том, что я никогда никого и вполнину не любила так, как себя. – Она состроила гримаску и снова, как прежде, засияла серебряным светом. – Заметь, Уоллес был прекрасно воспитан, держался, как подобает джентльмену, и выглядел представительно. Но его отец – фу! Этот мерзкий чело-вечишка, от которого вечно несло дешевой помадой для волос и самым дрянным табаком, понятия не имел о хороших манерах, вынашивал честолюбивую мечту увидеть своего сына на самом вершине пирамиды, в кругу наиболее влиятельных семейств Австралии, а потому потратил уйму времени и денег на воспитание наследника, которого не отвергнут Херлингфорды и им подобные. Только вот не повезло папаше: его сын предпочитал простую жизнь, не стремился пробиться в высшие круги и слушался ужасного тщеславного старика только потому, что безумно любил.

– И что же произошло? – спросила Мисси.

– Отец Уоллеса умер вскоре после того, как распался наш брак. Многие, включая и его, посчитали, что виной тому разбитое сердце. Что до моего мужа... я сделала все, чтобы он люто возненавидел меня. Ни один мужчина не должен испытывать к женщине подобных чувств.

– Не могу в это поверить! – с горячностью возразила преданная Мисси.

– Знаю, ты искренне так считаешь, и все же это правда. С тех пор прошло немало лет, и я вынуждена признать, что была жадной эгоистичной тварью, которую следовало удушить еще младенцем.

– Ох, Юна, не говори так!

– Дорогая, не плачь из-за меня, я этого не заслуживаю, – твердо заявила девушка, излучая ровный свет. – Правда остается правдой, ничего не поделаешь. И вот я здесь, словно прибитая к берегу коряга, занесенная напоследок в сонную заводь Байрона, искупаю свои грехи.

– А твой муж?

– Он вполне оправился и получил наконец возможность жить так, как ему всегда хотелось.

Мисси умирала от любопытства, в голове у нее вертелось не меньше сотни вопросов: о перемене в душе Юны, о том, возможно ли, что у них с давно потерянным Уоллесом еще все наладится, и о Джоне Смите, загадочном Джоне Смите... – но короткая пауза после слов Юны вдруг заставила Мисси вспомнить о времени.

Поспешно попрощавшись, девушка выскочила за дверь раньше, чем Юна успела ее задержать.

Почти все пять миль до дома она пробежала, не обращая внимания на колющую боль в боку. Должно быть, у нее выросли крылья, потому что, когда запыхавшаяся Мисси ворвалась в кухню, ее мать и тетя вполне готовы были простить ей опоздание и благосклонно выслушали историю об обширном заказе Джона Смита. Друзилла уже подоила корову (Октавия не справлялась с подобной работой из-за больных костей), в кастрюльке на краю плиты булькала собранная с грядки фасоль, а на сковородке шипели три бараньих котлеты. Дамы сели за стол в положенный час, а потом настало время заняться последними трудами этого дня – штопкой ветхих от бесчисленных стирок чулок, нижнего белья и простыней.

Мысли Мисси рассеянно блуждали, перебегая от печальной истории Юны к Джону Смиуту, но краем уха она лениво слушала, как изголодавшиеся по новостям Друзилла и Октавия баловали себя вечерней беседой, перебирали скудные вести, что изредка достигали их ушей. В тот вечер после обсуждения загадочного незнакомца, чье появление в лавке Максвелла Херлингфорда озадачило обеих леди (Мисси благоразумно утаила от них сведения, которыми поделилась с ней Юна), сестры перешли к самому захватывающему событию в жизни города – предстоящей свадьбе Алишии.

– Придется мне надеть коричневое шелковое платье, Друзилла, – с искренней горечью вздохнула Октавия и смахнула слезу.

– Что ж, я пойду в своем коричневом поплиновом, а Мисси – в коричневом полотняном. Боже милостивый, я так устала от коричневого цвета, вечно один только коричневый! – вскричала с досадой Друзилла.

– Но в наших стесненных обстоятельствах, сестра, коричневый цвет – это необходимость, – попыталась утешить сестру Октавия, не слишком, впрочем, успешно.

– Как бы мне хотелось – пусть всего лишь раз – сделать не то, что необходимо, а то, к чему лежит душа! – свирепо бросила Друзилла, вонзила иголку в катушку ниток и сложила искусно заштопанную наволочку со страстью, какой не проявляла никогда в своей долгой жизни. – Как мне надоело быть разумной и практичной! Завтра суббота, а значит, мне придется выслушивать бесконечные причитания Аврелии, которая никак не может выбрать цвет свадебного наряда и мечется между рубиновым атласом и сапфировым бархатом, раз десять будет спрашивать у меня совета. Ох, с великой радостью убила бы ее!

У Мисси была собственная комната, обшитая деревянными панелями, коричневая, как и все в доме. На полу лежал коричневый в крапинку линолеум, на кровати – ворсистое коричневое покрывало, единственное окно прикрывали коричневые полотняные шторы, а скудную мебель составляли невзрачное старое бюро да гардероб, еще более дряхлый и уродливый. Ни зеркала, ни стула, ни коврика, зато на стенах висели три картины. Одна из них – выцветший, изъеденный рыжими пятнами дагерротип времен Гражданской войны в Америке, портрет совершенно высохшего, морщинистого старика, первого сэра Уильяма. Другая – узорная вышивка (одна из первых работ Мисси, исполненная с большим мастерством), надпись на которой гласила: «Праздность – мать всех пороков». И наконец, королева Александра⁵ в плотном паспорту, застывшая, не улыбаясь, но в глазах неприхотливой Мисси – очень красивая.

Поскольку окно выходило на юго-запад, летом в комнате бывало жарко как в печке, а зимой она превращалась в ледник, где буйствовали свирепые ветры. Мисси занимала эту комнату не из-за чьей-то рассчитанной жестокости, просто ей как самой младшей досталась не лучшая спальня. Впрочем, в Миссолонги не было ни одной действительно удобной комнаты.

Синяя от холода, Мисси стянула коричневое платье, фланелевую нижнюю юбку, шерстяные чулки, лиф и панталоны, затем аккуратно сложила белье, убрала в ящик, а платье повесила на крюк в гардеробе. Плечики считались непозволительной роскошью, поэтому только выходной костюм из коричневого полотна висел как положено, на вешалке. Водяной бак в Миссолонги вмещал всего пятьсот галлонов⁶, что делало воду поистине бесценной; купания совершались ежедневно, однако дамы довольствовались одной скупой наполненной ванной на троих, а нательное белье меняли раз в два дня.

Ночная рубашка Мисси, из колючей серой фланели, не по размеру просторная, с высоким воротом и длинными рукавами, волочилась по полу, поскольку перешла к ней от матери. Зато постель была теплой. Когда Мисси исполнилось тридцать лет, Друзилла объявила, что отныне в холодную погоду ей дозволяется согреть постель горячими кирпичами, ибо теперь

⁵ Александра Датская – супруга Эдуарда VII, королева Великобритании и Ирландии (1901–1910).

⁶ Австралийский галлон – около 4,5 л.

она уже не так молода, пора ее юности миновала. Как ни радовалась Мисси счастливой перемене, но с того дня оставила всякую надежду вырваться однажды за пределы Миссолонги и зажить собственной жизнью, хотя прежде, возможно, лелеяла подобную мечту.

Мисси быстро засыпала: бесцветные дни, лишённые душевных волнений и страстей, проходили в непрерывных трудах, – но те краткие минуты, что проводила под одеялом, в благословенном тепле, прежде чем провалиться в сон, дарили ощущение совершенной свободы, поэтому она всегда отчаянно старалась продлить их, борясь с дремотой.

Обычно вначале Мисси раздумывала над своей внешностью, гадала, как же она выглядит на самом деле. В доме было только одно зеркало, в ванной комнате, но стоять и разглядывать собственное отражение строго запрещалось, поэтому ее впечатления от самой себя неизменно отравляло чувство вины, оттого что, наверное, слишком долго крутилась перед зеркалом. О, Мисси знала о своем высоком росте и чрезмерной худобе, знала, что волосы у нее прямые и темные, глаза карие, почти черные, а нос, как ни печально, слегка искривлен из-за неудачного падения в детстве. Она знала, что левый уголок рта у нее чуть опущен, а правый загибается вверх, но не подозревала, как чудесно преображает ее лицо редкая улыбка и какой клоунский трагикомичный вид придает ей обычное серьезное выражение. Жизнь приучила ее думать о себе как о невзрачной скучной особе, но что-то в ней отказывалось этому верить, пока не появятся убедительные доказательства, поэтому каждый вечер она размышляла о своей наружности.

Еще Мисси мечтала о котенке. Дядюшка Персиваль, владелец кондитерской и табачной лавок, вдобавок самый славный малый из всех Херлингфордов, подарил ей на одиннадцатилетие игривого черного котенка, но мать сейчас же забрала его и поручила кому-то утопить, а дочери сказала чистую правду: они не могут позволить себе кормить лишний рот, пусть даже крошечный. Не то чтобы Друзилла не сочувствовала Мисси или не испытывала сожаления, однако решения своего не изменила и сделала то, что должна была сделать. Мисси не взбунтовалась и, даже лежа в постели, не заплакала. Просто котенок с самого начала казался ей чем-то ненастоящим, слишком далеким от реальности, чтобы горевать о нем. Но руки ее и теперь, спустя долгие пустые годы, еще помнили мягкость его пушистой шерстки и блаженную дрожь крохотного тельца, что ластилось к ней. Только руки и помнили. Все другие воспоминания ей удалось прогнать.

Мисси воображала, как ей разрешили побродить среди зарослей в долине напротив Миссолонги, и фантазии эти плавно перетекали в сновидения, которые потом она не могла припомнить, сколько ни пыталась. В мечтах даже громоздкая одежда не стесняла ее движений, ни пальто, ни платья не намокали, если Мисси случалось переходить вброд ручьи, не пачкались в земле и глине, когда она пробиралась между сырыми мшистыми валунами, и никогда, никогда не бывали коричневыми. Птицы-звонари кружились и пели у нее над головой, великолепные яркие бабочки порхали под сенью огромных древесных папоротников, от которых небо казалось лазурным атласом, обшитым кружевом; там царил покой, и не было вокруг ни единой души.

В последнее время Мисси стала задумываться о смерти, которая все чаще представлялась ей желанной развязкой. Смерть была повсюду, не обходила вниманием ни молодых, ни старых, ни тех, чья молодость осталась позади, а старость еще не пришла. Чахотка, удушье, круп, дифтерия, опухоль, болезнь легких, заражение крови, апоплексия, сердечный приступ или удар. С чего бы смерти шадить именно ее? Мысль о неизбежном конце Мисси не пугала: те, что не живут, а лишь существуют, не боятся умереть.

В тот вечер, несмотря на страшную усталость после долгого бега и колющую боль в левом боку, которая никак не унималась, а все яростнее впивалась в тело, Мисси долго не засыпала, перебирала в мыслях свою внешность, котенка, прогулку среди зарослей и смерть. Ей хотелось оставить немного времени на раздумья о сумасбродном высоком незнакомце по имени Джон

Смит, который купил ее долину, – во всяком случае, так уверяла Юна. С его появлением в Байроне повеял свежий ветер перемен, в сонный городок пришла новая сила. Мисси надеялась, что Юна не ошиблась на его счет, что он действительно решил обосноваться в долине, – теперь уже не в ее, а в своей. Глаза у нее слипались, но она попыталась вызвать в памяти его образ: высокую плотную фигуру сильного мужчины с роскошной темно-рыжей шевелюрой и густой бородой, в которой резко белели две седые прядки. По загорелому обветренному лицу Джона Смита трудно было точно угадать его возраст, но Мисси решила, что ему чуть больше сорока. Глаза его цветом напоминали воду, разлившуюся по прелой листве: кристально прозрачные, янтарно-карие. О, какой привлекательный мужчина!

В завершение своего ночного странствия Мисси опять отправилась бродить по долине, и Джон Смит шел рядом с ней, пока она не погрузилась в сон.

В бедности, что так жестоко и властно управляла жизнью обитательниц Миссолонги, был повинен первый сэр Уильям, родитель семерых сыновей и девяти дочерей, большинство из которых выжили и произвели на свет потомство. Сэр Уильям принял решение разделить все свое немалое состояние между сыновьями, а каждой из дочерей выделил в приданое дом с пятью акрами тучной земли. На первый взгляд, его замысел казался разумным, ибо отпугивал охотников за деньгами, вдобавок девушки становились землевладелицами и в известной степени обретали независимость. Сыновья сэра Уильяма охотно согласились с волей отца, поскольку богатство их лишь умножилось, и пожелали продолжить этот обычай, как в свой черед и их сыновья. Шли годы, десятилетия, и дома все больше ветшали, приходили в негодность, а пять акров тучной земли истощались, превращаясь в пять акров никуда не годной пустоши.

В итоге два поколения спустя семейство Херлингфорд резко разделилось на несколько лагерей: в равной мере богатых мужчин, состоятельных дам, сумевших удачно выйти замуж, да кучку несчастных женщин, обманом лишенных земли либо вынужденных продать ее за бесценок, а также тех, что, подобно Друзилле Херлингфорд-Райт, не сдавались, пытаясь прокормиться за счет своего жалкого угодья.

Друзилла вышла замуж за некоего Юстаса Райта, чахоточного наследника крупной бухгалтерской фирмы в Сиднее, располагавшего вдобавок солидными доходами от какого-то промышленного предприятия. Разумеется, вступая в брак, она не подозревала о чахотке жениха, равно как и он сам. Два года спустя Юстас скончался, а его отец, переживший своего первенца, предпочел оставить все состояние целиком второму сыну, не пожелав выделить долю вдове с хилым, болезненным ребенком, к тому же всего лишь девочкой. Так, замужество, которое поначалу представлялось блестящим, закончилось плачевно во всех отношениях. Старый Райт принял во внимание, что у Друзиллы есть свой дом с пятью акрами земли, и что происходит она из очень богатой семьи. Родные о ней позаботятся, решил он, им придется, хотя бы ради приличия. Старик не взял в расчет полнейшее безразличие Херлингфордов к судьбе тех представителей клана, кому выпало несчастье быть женщиной, вдобавок одинокой, не обладающей ни властью, ни влиянием.

Друзилла влачила жалкое существование. Она взяла к себе сестру Октавию, старую деву, и та продала собственный дом с пятью акрами земли брату Герберту, чтобы вложить вырученные деньги в хозяйство Друзиллы. Беда заключалась в том, что продать дом чужаку было недопустимо, попросту невысказано, а мужская часть клана безбожно пользовалась этим к своей выгоде. Ничтожную сумму, выплаченную Октавии за ее собственность, брат немедленно поместил от ее имени в некое выгодное предприятие, но, как случалось всегда, когда за дело брался Герберт, вложение не принесло ни малейшего дохода. Октавия несколько раз принималась робко расспрашивать брата о деньгах, но сначала тот лишь отмахивался, потом пришел в ярость и возмущенно напустился на нее.

Как невозможно было вообразить, что урожденная Херлингфорд продаст свое имущество какому-то чужаку, так, разумеется, никто и мысли не допускал, что она станет работать, опозорив семью, если только не найдет себе заработок в надежном почтенном кругу ближайших родственников. Так, Друзилла, Октавия и Мисси проводили дни дома, в отчаянном безденежье, но не могли позволить себе заняться священным промыслом – основать собственное дело; вдобавок все три были напрочь лишены полезных дарований, отчего ближайшая родня считала их ни к чему не пригодными.

Если Друзилла и питала призрачные надежды, что дочь когда-нибудь вырастет и благодаря удачному замужеству вытащит из нищеты их с сестрой, эти пустые мечты рассеялись еще прежде, чем Мисси исполнилось десять: девочка была на редкость невзрачной и неказистой. К тому времени как ей сравнялось двадцать, мать и тетя успели смириться с тем, что на счастливые перемены рассчитывать нечего, придется жить в нужде и лишениях до самой могилы. Мисси предстояло в должное время унаследовать дом матери с пятью акрами земли, однако никакого другого имущества у нее не было: она принадлежала к Херлингфордам только по женской линии, а потому не могла рассчитывать, что ей выделят собственную усадьбу.

Конечно, кое-как леди из Миссолонги все же перебивались. Они держали корову джерсейской породы, которая давала на удивление много отменного, жирного молока и приносила прекрасных телят (одну телочку они оставили, уж очень та была хороша). Имелись у них в хозяйстве и шесть голов овец, и три дюжины род-айлендских рыжих кур, чуть больше десятка разномастных уток и гусей да две раскормленных белых свиньи, которые плодили лучших поросят во всей округе, поскольку их не запирали в загоне, а выпускали гулять по пастбищу, и кормились они очистками и объедками с кухни чайной Джулии и отбросами со стола и огорода Миссолонги. За огородом ухаживала Мисси, обладавшая особым даром: все, чего касались ее руки, цвело и зеленело, а огород давал урожай круглый год. Был при усадьбе и скромный фруктовый садик: десять яблонь разных сортов, персиковое дерево, вишня, слива, абрикос и четыре груши. Цитрусовые здесь не росли – зимы в Байроне были слишком холодными. Фрукты, масло и яйца обитательницы Миссолонги продавали за бесценок Максвеллу Херлингфорду; в любой другой лавке им заплатили бы куда больше, но о том, чтобы предложить свой товар не родственнику, а постороннему, они и помыслить не смели.

Еды им хватало, главной их бедой было безденежье. Лишенные всякого заработка, постоянно обманываемые и обираемые теми, кому, говоря по чести, следовало быть им защитой и опорой, они отчаянно нуждались в деньгах на покупку одежды, домашней утвари и лекарств, на ремонт крыши и другие надобности. Им удавалось выручить немного, продав овцу, теленка или приплод поросят, но приходилось вечно во всем себе отказывать и считать каждый пенс. Мать и тетя нежно любили Мисси, однако проявлялось это лишь в одном: позволяли ей тратить деньги, полученные от продажи излишков яиц и масла, на библиотечные книги.

Чтобы заполнить пустоту унылых дней, леди из Миссолонги без усталости вязали: спицами и крючком, – плели кружева, шили и вышивали, благо шерстяная пряжа, нитки и полотно в доме не переводились: их дарили на каждое Рождество и в дни рождения. Плоды своих трудов дамы преподносили в ответ на подарки, но большая часть изделий лежала мертвым грузом в свободной комнате.

Их слепая покорность, послушное следование правилам и обычаям, навязанным теми, кто представления не имел об одиночестве, страданиях и горечи благородной нищеты, вовсе не говорили о слабости духа или недостатке храбрости. Просто леди из Миссолонги родились и жили в те времена, когда две великих войны двадцатого столетия еще не разразились, завершив промышленную революцию; когда работа за жалованье и жизненные блага, что сопутствуют ей, считались неслыханной крамолой, нарушением всех устоев, изменой и семейному долгу, и самой женственности.

Друзилла Райт мучительно стыдилась своей честной бедности, и каждое субботнее утро становилось для нее сущей пыткой: ей приходилось идти через весь город, мимо великолепных гор между Байроном и рукавом долины Джеймисон, где на живописных склонах стояли роскошные особняки самых преуспевающих Херлингфордов. Она шла выпить чаю с сестрой Аврелией и по пути, с трудом переставляя усталые ноги, всякий раз вспоминала, что в юности, когда они с сестрой обе были помолвлены и собирались замуж, все считали, будто она, Друзилла, заключила куда более выгодную сделку на брачной ярмарке, нежели Аврелия. Свое путешествие она совершала в одиночестве – искалеченная болезнью Октавия не смогла бы пройти пешком семь миль, вдобавок не вынесла бы мучительного контраста между Мисси и Алишией, дочерью Аврелии. О том, чтобы завести лошадь, и думать было нечего: лошади вытаптывают пастбище, а пять акров земли при усадьбе Миссолонги надлежало день и ночь оберегать от истощения.

Аврелия тоже вышла замуж за мужчину, не связанного с нею кровным родством, но, как показало время, ее брак оказался куда более удачным. Эдмунд Маршалл занимал пост управляющего на заводе минеральных вод, а его практической сметке и административному таланту позавидовал бы любой Херлингфорд, поэтому Аврелия жила в псевдотюдоровском особняке из двадцати комнат, окруженном парком в четыре акра, где каждый год в конце сентября расцветали рододендроны, азалии, декоративные вишни и сливы, превращая усадьбу на целый месяц в прекрасную сказочную страну. У Аврелии были слуги, лошади, экипажи и даже автомобиль. Ее сыновья, Тед и Рандольф, служили на заводе минеральных вод под началом отца, который учил их вести дела, и оба подавали большие надежды: Тед занимался бухгалтерией, а Рандольф надзирал за рабочими.

Была у Аврелии и дочь, которая обладала всем, о чем дочь Друзиллы могла лишь мечтать. Единственное их сходство заключалось в возрасте да в статусе. Но если Мисси оставалась незамужней потому, что никому и никогда даже в голову не приходило просить ее руки, то Алишия засиделась до тридцати трех лет в девицах совсем по другой причине, в высшей степени достойной и глубоко трагической: жениха, с которым она обручилась в девятнадцать лет, затоптал насмерть взбесившийся слон, когда до свадьбы оставалось всего несколько недель. Алишии потребовалось время, чтобы оправиться от такого удара. Монтгомери Масси принадлежал к одному из самых известных и влиятельных семейств на Цейлоне; единственный сын крупного чайного плантатора, он был несметно богат. Алишия оплакивала жениха в полном соответствии с его высоким положением и общественной значимостью понесенной утраты.

Целый год она облачалась только в черное; затем еще два года ходила в голубовато-серых или бледно-сиреневых одеждах: в так называемом «полутрауре»; наконец, когда ей исполнилось двадцать два, Алишия объявила, что прерывает свое отшельничество и открывает шляпный салон. Отец ее купил старую галантерейную лавку, которая пришла в упадок из-за соседства с магазином одежды Герберта Херлингфорда, вот тогда и раскрылся истинный талант Алишии. Приличия требовали, чтобы официальной владелицей салона считалась мать девушки, но никто, а уж Аврелия тем более, не питал иллюзий в отношении того, кто им управляет в действительности. Ателье под названием «Шляпы Алишии» стало пользоваться ошеломляющим успехом со дня открытия, покупатели съезжались сюда отовсюду, даже из Сиднея: восхитительные, прелестные изделия из соломки, газа и шелка не только отвечали последней моде, но и придавали любому лицу особое очарование. Для работы в ателье Алишия наняла двух нищих родственниц без земли и приданого; ее тетя Корнелия, старая дева, играла роль продавщицы, почтенной дамы-аристократки; сама же хозяйка предприятия выдумывала фасоны шляп и получала доходы – тем ее участие и ограничивалось.

Затем, когда все уже решили, что Алишия будет скорбеть по Монтгомери Масси до самой смерти, она вдруг объявила о своей помолвке с Уильямом Херлингфордом, сыном и наследником третьего сэра Уильяма. Ей было тридцать два года, а ее будущему супругу едва сравнялось

девятнадцать. Свадьбу назначили на первый день грядущего октября, когда цветут деревья⁷ и невозможно отказать себе в удовольствии провести прием в саду; к тому времени истекал наконец долгий срок ожидания. Повременить со свадьбой пришлось из-за леди Билли, жены третьего сэра Уильяма, которая, услышав новость, попыталась отхлестать Алишию кнутом. Третий сэр Уильям был вынужден подчиниться воле супруги и отложить торжество, пока жениху не исполнится двадцать один год.

Итак, Друзилла Райт вовсе не чувствовала радости, когда шла по посыпанной гравием ухоженной дорожке Мон-Репо. На крыльце дома сестры она взялась за дверной молоток и ударила в дверь с яростной силой, порожденной смесью горечи и зависти. Открывший дверь дворецкий высокомерно объявил, что миссис Маршалл примет Друзиллу в малой гостиной, затем с безразличным видом проводил туда гостью.

Изысканное внутреннее убранство Мон-Репо не уступало в великолепии фасаду и парку: светлые панели из привозной древесины редкостных пород, шелковые и бархатные обои, парчовые шторы, аксминстерские ковры⁸, мебель в стиле регентства – все показывало изящные пропорции комнат в самом выгодном свете. Здесь, где слишком явно царила неразумная расточительность, никто не заботился о практичности, не было надобности в коричневой краске.

Сестры обменялись поцелуями в щеку. Между ними было больше сходства, чем у каждой с Октавией, Джулией, Корнелией, Августой или Антонией: обе отличались какой-то особой надменной холодной сдержанностью, вдобавок улыбались совершенно одинаково. При всей несхожести судеб и жизненных обстоятельств они относились друг к другу намного теплее, чем к остальным сестрам, и лишь непреклонная гордость Друзиллы не позволяла Аврелии предложить ей помощь деньгами.

После обычных коротких приветствий они расположились на обитых бархатом стульях друг напротив друга за небольшим инкрустированным столиком и, прежде чем заговорить о делах, принялись ждать, когда горничная принесет поднос с китайским чаем и двумя дюжинами крохотных пирожных.

– Забудь о гордости, Друзилла: сейчас от нее мало проку. Я знаю, как отчаянно ты нуждаешься в деньгах. Можешь назвать мне хоть одну причину, почему все ваши прелестные вещицы должны лежать у тебя в комнате для гостей, а не в сундуке с приданым Алишии? Только не говори в свое оправдание, будто бережешь их для приданого дочери: мы обе знаем, что Мисси давно потеряла надежду выйти замуж. Алишия хочет купить у тебя столовое и постельное белье, и я полностью это одобряю, – твердо сказала Аврелия.

– Я, конечно, польщена, – сухо отозвалась сестра, – но не могу продать его тебе, Аврелия. Пусть Алишия выберет, что ей нравится, и примет в подарок от нас.

– Вздор! – возразила владелица усадьбы. – Сто фунтов, и пускай Алишия выбирает.

– Она смело может взять что угодно, но только как подарок.

– Сто фунтов, или ей придется купить белье в магазине Марка Фоя и заплатить в несколько раз больше, потому что я не позволю ей взять у вас в подарок столько, сколько ей нужно.

Спор тянулся какое-то время, пока наконец несчастная Друзилла не уступила: оскорбленная гордость боролась в ней с тайным облегчением настолько сильным, что победа осталась за ним. А когда изголодавшаяся по сладостям Друзилла выпила три чашки душистого чая «лапсанг сушонг» и съела почти все блюдо пирожных, щедро покрытых бело-розовой глазурью, неловкость, вызванная разницей в положении сестер, исчезла, сменившись радостным оживлением от встречи двух близких людей, связанных кровным родством.

– Уильям говорит, он бывший каторжник, – сообщила Аврелия.

⁷ В Южном полушарии сентябрь, октябрь и ноябрь – весенние месяцы.

⁸ Ковры из бархата с крупным цветочным тисненым узором.

– Здесь, в Байроне? Боже праведный, но как он такое допустил?

– Она ничего не могла поделать, сестрица. Ты знаешь не хуже меня, что это лишь миф, будто Херлингфорды владеют всей землей до последнего акра между Льюрой и Лоусоном. Если тот человек смог купить долину, что он, по всей видимости, и сделал, да вдобавок честно заплатил свой долг обществу, то ни Билли, ни кто-либо другой не вправе выдворить его из города.

– Когда же это случилось?

– По словам Уильяма, на прошлой неделе. Разумеется, Херлингфорды никогда не владели долиной. Уил всегда считал, что она принадлежит короне. Похоже, заблуждение это возникло еще во времена первого сэра Уильяма, и, к великому сожалению, никто в нашей семье даже не подумал навести справки. Если бы мы только знали, кто-то из Херлингфордов уже давно купил бы долину. На самом деле владельцем земли с незапамятных времен был какой-то попечитель дома для душевнобольных, и вот неделю назад ее приобрел на торгах в Сиднее этот ужасный человек, а мы даже понятия не имели, что она продается. Только представь себе, купил всю долину целиком, да притом за бесценок! Уму непостижимо! Уил в ярости.

– А как вы обо всем узнали? – спросила Друзилла.

– Этот молодчик заходил вчера в лавку Максвелла перед самым закрытием. Послушай, Мисси ведь тоже там была.

Лицо Друзиллы просветлело.

– Так вот кто это, оказывается!

– Ну да.

– Значит, это Максвелл все выведал? Он и глухонемого заставит разговариваться.

– Верно. Только тот молодчик и не думал отмалчиваться: сам охотно выложил свою историю. Если послушать Максвелла – даже слишком охотно. Но ты ведь знаешь Максвелла, он считает болваном любого, кто много болтает о своих делах.

– Но вот чего я не понимаю: зачем какому-то чужаку, не Херлингфорду, вздумалось покупать долину? Я хочу сказать, для Херлингфордов долина важна, потому что она в Байроне, а этот приезжий не сможет устроить там ферму. Понадобится лет десять на то, чтобы очистить землю и сделать пригодной для пахоты, к тому же в низине так сыро, что он никогда не избавится от влаги. И торговать древесиной ему не удастся: лес из долины не вывезешь – дорога слишком опасна. Так зачем ему понадобилась долина?

– По словам Максвелла, приезжий сказал, будто хочет просто жить один в нетронутой глуши и слушать тишину. Что ж, если этот человек и вправду не каторжник, то, надо признать, большой чудак!

– А почему, собственно, Уил решил, будто он каторжник?

– Максвелл позвонил Уильяму, как только чужак загрузил провизию в повозку и уехал, и тот сразу же навел справки. Приезжий называет себя Джоном Смитом, как тебе это нравится? – Аврелия насмешливо фыркнула. – Скажи мне, Друзилла, если человек не замешан в каких-то грязных делах, станет именовать себя Джоном Смитом?

– Возможно, его действительно так зовут, – сдержанно заметила Друзилла.

– Фу! Мы постоянно читаем то об одном, то о другом Джоне Смите, а ты когда-нибудь встречала хоть одного? Уил думает, что Джон Смит это... как говорят американцы?

– Не имею ни малейшего представления.

– Ну, в конце концов, это не так уж важно, у нас ведь не Америка. Так или иначе, имя фальшивое. Уильям провел расследование и обнаружил, что сведений об этом человеке нет ни в одном официальном учреждении. Он заплатил за долину золотом – это все, что удалось выяснить.

– Может быть, он просто удачливый старатель, которому посчастливилось напасть на золотую жилу где-нибудь в Софале или Бендиго?

– Нет. Уильям говорит, все золотые прииски Австралии уже давно в собственности компаний, а золотоискатели-одиночки в последние годы не совершали крупных находок.

– Чудеса, да и только! – отозвалась Друзилла и рассеянно потянулась за предпоследним пирожным. – А Максвелл или Уил что-нибудь еще говорили?

– Ну, этот Джон Смит закупил огромный запас провизии и расплатился золотом. Достал монеты из туго набитого пояса для денег, который он носит под рубашкой, прямо на голое тело! Счастье, что к тому времени Мисси уже ушла: Максвелл готов поклясться, что этот молодчик запросто задрал бы свою рубаху в присутствии дамы. Он сквернословил при Мисси и, мало того, сказал что-то вроде того, будто Мисси не леди! И это при том, что не было никакого повода с ее стороны, уверяю тебя!

– В это я верю, – сухо произнесла Друзилла и взяла с блюда последнее пирожное.

Мгновение спустя в комнату вошла Алишия Маршалл. Лицо ее матери просияло, засветилось нежностью и гордостью, а тетя приветствовала племянницу скупой кривоватой улыбкой. Почему, ну почему Мисси не родилась такой, как Алишия?

Алишия Маршалл и вправду была само очарование: очень высокая, с белой, как у ангела, кожей, светловолосая, светлоглазая, с точеными руками и ногами, роскошным телом с чувственными и вместе с тем строгими линиями и лебединой шеей. Как и всегда, костюм ее отличался безукоризненным вкусом: льдисто-голубое шелковое платье, украшенное ажурной вышивкой (с нарядной верхней юбкой, чуть более короткой, клиновидного кроя, согласно последней моде), придавало ей особый шик и подчеркивало неповторимое своеобразие ее облика. На голове Алишии ладно сидела одна из ее шляпок, облако голубоватого газа и бледно-зеленые шелковые розы оттеняли мерцающее золото пышных светлых волос. Это казалось чудом, но ее брови и ресницы, вне всякого сомнения, были темно-коричневыми! Разумеется, Алишия, как и Юна, не стремилась поведать всему миру, что красит их.

– Тетя Друзилла с радостью обеспечит тебя столовым и постельным бельем, Алишия, – с торжеством объявила Аврелия.

Девушка сняла шляпку и осторожно стянула длинные бледно-голубые лайковые перчатки – это в высшей степени важное занятие требовало полного сосредоточения и не позволяло отвлекаться на разговоры. Лишь положив и то и другое на отдельный столик, стоявший в безопасном расстоянии от подноса с чаем, и усевшись рядом с дамами, она заговорила на удивление бесцветным, немзыкальным голосом:

– Вы очень добры, тетя.

– Какая уж тут доброта, моя дорогая племянница, если твоя матушка твердо решила мне заплатить, – чопорно произнесла Друзилла. – Приходи в Миссолонги в следующую субботу утром и выбери все, что тебе понравится. Я угощу чаем.

– Спасибо тетя.

– Я прикажу подать тебе свежего чая, Алишия? – засуетилась Аврелия, всегда немного неловко себя чувствовавшая при своей талантливой, честолюбивой и властной взрослой дочери.

– Нет, благодарю, мама. Сказать по правде, я пришла послушать, что вам удалось разузнать о «чужаке среди нас», как его упорно величает Уилли, – усмехнулась Алишия, прелестно скривив губки.

И тотчас на нее обрушился ворох новостей, загадочного Джона Смита еще раз обсудили на все лады, после чего Друзилла поднялась, намереваясь попрощаться, но прежде чем последовать к дверям в сопровождении дворецкого, напомнила:

– В следующую субботу мы ждем вас утром в Миссолонги.

По пути домой она мысленно составляла опись вещей, хранившихся в многочисленных шкафах и сундуках комнаты для гостей, и ей казалось, что запас изделий слишком скуден и однообразен, чтобы сделка считалась честной. Сто фунтов! Они буквально с неба свали-

лись. Какое неожиданное счастье! Конечно, их нельзя просто потратить. Нужно положить деньги в банк под небольшой процент, и пусть остаются там на черный день: мало ли, случится беда. О какой-то конкретной Друзилла не думала, но жизнь полна неожиданностей, за каждым углом подстерегают несчастья: болезни, потери, обвалившаяся крыша, рост налогов и, наконец, смерть. Конечно, часть денег придется пожертвовать на ремонт кровли, зато по крайней мере теперь не понадобится продавать телку джерсейской породы, чтобы расплатиться с рабочими. Эта телочка обещала в ближайшем будущем стать прекрасной дойной коровой, а если принять в расчет ее богатый приплод, пока еще несуществующий, но ожидаемый, леди из Миссолонги считали, что ее цена много выше пятидесяти фунтов. Персиваль Херлингфорд, человек славный, добрый, как и его жена, всегда охотно предоставлял в их распоряжение своего драгоценного племенного быка без всякой платы; впрочем, это он и подарил им когда-то джерсейскую корову.

Да, все сложилось весьма удачно! Возможно, Алишия, признанная законодательница моды, заведет новый обычай среди девиц семейства Херлингфорд, и отныне другие невесты будут покупать себе столовое белье у родственниц из Миссолонги. Подобное занятие не роняло достоинства благородных леди и считалось вполне допустимым, тогда как, скажем, шитье дамского платья никогда не получило бы одобрения в их кругу, поскольку обитательницам Миссолонги пришлось бы потакать прихотям любого заказчика, а не угождать одной лишь родне.

– Итак, Октавия, – сказала Друзилла своей сторбленной сестре вечером на кухне, когда обе они взялись за рукоделие, а Мисси уткнулась в книгу, – на следующей неделе мы должны перебрать все наше белье: нужно убедиться, что его не стыдно показать Аврелии с Алишией. Мисси, тебе придется самой заняться домом, садом и животными, а поскольку ты у нас лучше всех управляешься с тестом, приготовишь сладкое к чаю: испечешь оладьи с джемом и сливками, бисквитный торт, несколько кексов «бабочка» и шарлотку из кислых яблок с гвоздикой.

Отдав распоряжения дочери, Друзилла, довольная, перешла к теме более пикантной: к сенсационному появлению Джона Смита. Впервые беседа заинтересовала Мисси больше, чем книга, но она сделала вид, будто поглощена чтением, а когда отправилась в постель, принялась перебирать в мыслях добытые сведения, чтобы сложить их с уже известными и сопоставить с тем, что поведала Юна.

Возможно, Джон Смит – настоящее имя приезжего, почему бы и нет? Конечно, истинной причиной недоверия, откровенной враждебности и подозрений со стороны хозяев города стала покупка долины. «Что ж, браво, Джон Смит! – подумала Мисси. – Давно пора кому-нибудь хорошенько встряхнуть Херлингфордов». Уснула девушка с улыбкой на губах.

Суматоха и хлопотливые приготовления к визиту леди Маршалл были совершенно излишними, и все три дамы из Миссолонги прекрасно это сознавали, однако ни одна не возражала – это неожиданное событие обладало прелестью новизны, вносило разнообразие в их размеренную жизнь, нарушало привычный порядок. Лишь прикованная к дому Мисси испытывала сожаление и досаду, поскольку осталась без книг и вдобавок ее не отпускал страх, что Юна решит, будто она скрывается, чтобы не платить за роман, взятый в прошлую пятницу.

Гостыи, для которых Мисси пекла всевозможные лакомства, даже не притронулись к ним. Алишия «берегла фигуру», как она выразилась, а сама Аврелия в последнее время следовала примеру дочери, чтобы поразить всех своей элегантностью на предстоящей свадьбе. Впрочем, угощения не пошли на корм свиньям: чуть позже их с удовольствием съели Друзилла и Октавия, которые обожали сладкое, хотя лакомились им редко, избегая лишних трат.

Обилие столового и постельного белья, выложенного перед гостями, совершенно ошеломило обеих женщин; увлекательное обсуждение заняло не меньше часа, прежде чем дамы отобрали наконец что хотели. В итоге Аврелия вручила Друзилле, как та ни отнекивалась, двести фунтов вместо ста и заявила властным, решительным тоном:

– Пожалуйста, не спорь! И слышать не хочу! Алишии сказочно повезло.

– Думаю, Октавия, – заметила Друзилла, после того как гости уехали на личном автомобиле с шофером, – теперь все мы можем позволить себе новые платья к свадьбе Алишии. Я бы хотела сиреневое креповое, с расшитым бисером корсажем и кистями из бисера по краю верхней юбки. У меня как раз есть подходящий бисер – тот, что купила наша дорогая матушка для вдовьего платья перед самой своей смертью, помнишь? Он идеально подойдет! А ты могла бы купить тот дымчато-голубой шелк, которым так восторгалась у Герберта в отделе тканей. Что скажешь? Мисси сплетет кружевные вставки для ворота и рукавов, и выйдет очень красиво!

Друзилла помолчала, задумчиво и хмуро глядя на свою темноволосую дочь, потом медленно проговорила:

– Не знаю, что делать с тобой, Мисси. Ты слишком смуглая, светлые цвета тебе не подходят, так что, пожалуй, придется...

«О, только не коричневое! – взмолилась мысленно Мисси. – Я хочу алое платье, чтобы завораживало взгляд, с кружевами, вот чего я хочу!»

– ...остановиться на коричневом, – закончила фразу Друзилла и тяжело вздохнула. – Я понимаю: ты, наверное, разочарована, – но все дело в том, Мисси, что ни один другой цвет, кроме коричневого, тебе совершенно не к лицу! В платьях пастельных тонов ты кажешься больной, в черном выглядишь желтушной и угрюмой, темно-синий тебя убивает: в нем ты похожа на умирающую, – а осенние цвета превращают тебя в краснокожую индианку.

Мисси не проронила ни слова: с логикой матери не поспоришь. Она даже не догадывалась, как больно ранила Друзиллу ее слепая покорность: та ожидала услышать в ответ хотя бы одно робкое пожелание, но, разумеется, об алом платье не могло быть и речи. Этот цвет носили распутницы и гулящие девицы, тогда как в коричневое одевались почтенные небогатые дамы. Так или иначе, в тот вечер ничто не могло омрачить надолго настроение Друзиллы, поэтому довольно скоро она вновь повеселела и радостно объявила:

– Вообще-то, думаю, все мы можем обзавестись в придачу новыми ботинками. Только представьте, какими щеголихами мы явимся на свадьбу!

– Туфлями, – поправила вдруг ее Мисси.

– Туфлями? – озадаченно переспросила Друзилла.

– Пожалуйста, мама, давайте купим не ботинки, а туфли! Красивые, изящные туфли на французских каблуках и с бантами.

Возможно, Друзилла и приняла бы эту мысль благосклонно, но отчаянный крик души Мисси тотчас же задавила Октавия, которая, хоть и была увечной, в доме под названием «Миссолонги» заправляла почти всеми делами и все решала по-своему.

– Что? Туфли для жизни на отшибе, в самом конце Гордон-роуд? – презрительно фыркнула тетушка. – Да ты повредила в рассудке, девочка! Сколько, по-твоему, протянут туфли, если ходить в них по грязным пыльным дорогам? Ботинки – вот что нам нужно, славные прочные ботинки с крепкой шнуровкой и надежными широкими каблуками. Ботинки долго носятся! Туфли не для тех, кому приходится ходить повсюду на своих двоих.

На этом обсуждение закончилось.

К понедельнику после визита Аврелии и Алишии Маршалл жизнь Миссолонги вернулась в прежнее русло, и Мисси, как обычно, позволили прогуляться до городской библиотеки. Конечно же, она отправилась в путь не ради одного лишь эгоистического удовольствия: в каждой руке для равновесия несла по сумке, – предстояло совершить еженедельные покупки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.